

РУССКИЙ ТЕАТРЪ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ДРАМАТУРГІИ И СЦЕНЫ

I

Театръ въ нашихъ глазахъ -- дѣло великое, потому великое, что по сущности своей онъ долженъ быть дѣломъ народнымъ.

Если мы до сихъ поръ не писали ничего о русскомъ театрѣ, то потому только, что до сихъ поръ писать о немъ серьезно было совершенно невозможно. Кромѣ общихъ условій, полагаемыхъ произволу мысли закономъ положительнымъ, существовали еще условія особенныя, спеціальныя.

Такихъ спеціальныхъ условій нѣтъ болѣе.

Писать о театрѣ, слѣдить за театромъ становится не только возможнымъ, но необходимымъ, становится по нашему мнѣнію даже обязательнымъ для каждого честнаго литературнаго направленія.

Писать разумѣется слѣдуетъ только о русскомъ театрѣ, о нашемъ театрѣ, каковъ онъ нинаестъ, потому что только его состояніе важно для мыслящаго наблюдателя жизни.

Двухъ вещей будемъ равно избѣгать мы въ нашихъ лѣтописяхъ, двухъ подводныхъ камней оберегаться, именно: 1) упадка критическаго мѣрила нашего до уровня сцены въ ея настоящемъ состояніи и 2) фешенебельнаго, великосвѣтскаго презрѣнія къ русской сценѣ, даже въ настоящемъ ея состояніи.

Насчетъ этихъ двухъ пунктовъ мы и считаемъ прежде всего необходимымъ честно и искренно объясниться.

1) Въ сценѣ и въ сценическихъ впечатлѣніяхъ есть извѣстнаго рода обаяніе, которому вполне поддаваться довольно опасно. Объяснимъ дѣло проще. Если вы рѣдко ходите въ театръ -- все фальшивое, рутинное, сдѣланное въ пьесахъ ли, въ игрѣ ли артистовъ, васъ поражаетъ въ высшей степени непріятно; вамъ и въ глаза и въ уши кидается все что производится "нарочно", а не "взаправду". Не говоримъ о совершенно пошломъ, говоримъ только о рутинномъ, ибо рѣдко ли, часто ли ходите вы въ театръ, но если вы человѣкъ съ чутьемъ, -- пошлое всегда будетъ внушать вамъ глубокое, непримиримое отвращеніе... Но если вы ходите въ театръ часто, если вы любите его страстно, вы постоянно должны, изъ уваженія къ самому себѣ, пристально смотрѣть за собою, иначе (мы говоримъ вовсе не шутя, а по собственнымъ личнымъ опытамъ) вы можете такъ вѣсться въ сценическія впечатлѣнія, что рутина и фальшь все слабѣе и слабѣе будутъ поражать ваше чутье: вы принимаетесь къ нимъ. И знаете ли какъ принимаетесь! Не только увлекаясь исполненіемъ роли артистами вы будете смѣшивать драматическое произведеніе съ его сценическимъ исполненіемъ нѣтъ, въ самомъ исполненіи вы незамѣтно для васъ самихъ будете привыкать къ рутинѣ, механикѣ, фальши...

Чтоже слѣдуетъ изъ этого? спросите вы конечно. Неужели для того чтобы настоящимъ образомъ понимать и цѣнить театръ, надобно ходить въ него какъ можно рѣже?..

Знаете ли, что мы искренно скажемъ почти-что да... при настоящемъ состояніи нашей сцены. Кто въ состояніи съ удовольствіемъ просидѣть, когда даютъ "Житейскую школу", "Водевиль съ переодѣваньемъ", "Смерть Ляпунова", "Парижскихъ нищихъ", пошлыя штуки г. Родиславскаго вродѣ "Разставанье", омерзительныя клеветы на русскій бытъ вродѣ издѣлій гг. Тарновскаго, Руднева, Григорьева 1 (котораго никакъ не надобно смѣшивать съ покойнымъ Григорьевымъ 2, авторомъ грубыхъ, но безпритязательныхъ и простодушно-даровитыхъ картинъ изъ купеческаго и народнаго быта), -- кто, говоримъ мы, способенъ все это высиживать съ сластью, того вкусъ ничѣмъ не лучше вкуса мышиныхъ жеребчиковъ, занимающихъ первые ряды креселъ въ балетѣ. Для того театръ не дѣло, а забава, -- да и забава-то грубая.

Одинъ изъ величайшихъ и серьезнѣйшихъ драматическихъ критиковъ Лессингъ сказалъ какъ-то въ своей знаменитой "Гамбургской драматургіи", что "многія плохія вещи могутъ и должны быть удержаны на сценѣ, потому что представляютъ для актеровъ благодарныя роли". Но этихъ словъ Лессинга не могутъ обратить противъ высказаннаго нами положенія поклонники "водевилей съ переодѣваньемъ"... Въ тѣ времена, когда великій критикъ писалъ свою "Гамбургскую драматургію", въ Германіи еще не было